

СЛОВО О СТАРШЕМ ДРУГЕ

Исаак Михайлович Трахтенберг

Известный украинский и советский гигиенист, профессор, доктор медицинских наук, член-корреспондент НАН Украины, академик НАМН Украины, заслуженный деятель науки и техники Украины, лауреат Государственной премии Украины.

Выпускник Киевского медицинского института первых послевоенных лет И.М.Трахтенберг в стенах своей альма-матер прошел путь от аспиранта до профессора, посвятив более двадцати лет преподавательской деятельности. Более 40 лет возглавляет лабораторию промышленной токсикологии и гигиены труда в Институте медицины труда НАМН Украины. Автор ряда интересных научно-популярных и мемуарных книг: "Яды. Популярная энциклопедия", "Остановиться, оглядеться", "Мой Киев, мои киевляне" и др. Многие страницы мемуаров посвящены встречам автора с Н.М.Амосовым, которые всегда превращались в "пир разума и мудрости".

Мой благословенный друг, ученый с мировым именем — физиолог и геронтолог Владимир Фролькис оставил в своем наследии, кроме выдающихся научных трудов и яркой научной публицистики, еще и цикл выношенных им в последние годы образных, поразительно точных и метких афоризмов. Среди этих афоризмов некоторые об общности и особенностях разных видов творчества и их представителей. Приведу лишь несколько:

"Подобно поэзии и искусству в науке есть лирики, романтики и реалисты;

Искусство — неповторимо, наука — неизбежна, являясь закономерным развитием человеческого мышления. У искусства и науки одна цель — "во всем дойти до сути...".

Я привел именно эти изречения из более ста "Афоризмов от Фролькиса", поскольку они представляются мне созвучными тому, чем хочу поделиться с читателем в поисках ответа на вопрос, какие напутствия оставили нам с вами неповторимые современники. Приведу еще одну мысль, венчающую цитируемые афоризмы, датированные сентябрем 1999 года: "Время бесконечно, непрерывно, и только человек делает отметины — часы, дни, годы, века, тысячелетия. Когда 31 декабря 2000 года будет сорван последний листок календаря и наступит новый век, новое тысячелетие, ничто не изменится в бесконечном течении времени".

А что, в сущности, есть время? И что в "бесконечное его течение" должны привнести мы в грядущие годы, памятуя опыт прошедших лет? Именно мы, ставшие столь незаметно и даже, казалось бы вдруг, людьми двух эпох? Впечатляет ли подобный факт? Несомненно! Но и ко многому обязывает. Для сознания человека и эта новая эпоха дальше будет вести отсчет событий "до того" и "после того". Что можно здесь добавить? Разве только то, что все мы уповаем в недалеком будущем "...жить в хорошем обществе, чтобы получать отдачу, если делаешь добро... Что касается счастья, то это зависит от того, сумеют ли люди найти компромиссы разума и биологии". Это суждение из небольшого очерка с лаконичным названием "Кредо" принадлежит Николаю Амосову. Вспоминаю, как это его суждение о необходимости "найти компромиссы разума и биологии" было

с интересом воспринято мною, как и подавляющим большинством читателей амосовских сочинений. Возможно, именно поэтому в силу осознанного от природы и еще от огромного духовного опыта, понимания долга перед современниками и потомками передал он нам свои идеи, мысли, итоги непростых и даже мучительных раздумий о назначении человека, его жизни и устремлениях, его здоровье и болезнях.

Старый киевский дом, что приземисто занял место на углу двух еще более старых киевских улиц, именуемых ныне улицами Богдана Хмельницкого и Ивана Франко. За окнами Амосовской квартиры — желтеющие осенние деревья на фоне холодного солнца, снующие горожане, мелькающие силуэты легковых машин. В кабинете Николая Михайловича, где царят многочисленные полки с книгами, а на низком столе возвышается в центре компьютер, хозяин кабинета и я увлечены очередным разговором. Молча навевается супруга Николая Михайловича милейшая Лидия Васильевна с подносом, на котором — горячий чай, бутерброды и сладкие булочки, традиционно закупаемые в расположенной рядом популярной кондитерской. В кабинете уютно и тихо. За стеклами книжных полок — фотографии близких и друзей. На одной из них — такой же снимок, как у меня дома, на котором мы с Николаем Михайловичем на общем собрании Академии медицинских наук. Кажется, все это было совсем недавно...

Как часто мы говорили с Николаем Михайловичем о времени, о сложных перипетиях настоящего и, увы, не очень ясных перспективах будущего. Содержание многих из этих диалогов, публикаций я отразил в очерках, где особое место заняли рассуждения о быстротечности времени. Как-то вспомнили Ирвина Шоу, высказавшего мысль о том, что, заглядывая в прошлое, мы оставляем за собой счастье или горе, устремляясь к новому счастью или к еще большему горю, но при этом пути назад нет. Были единодушны в том, сколь верно и в то же время печально сказано писателем о прошлом, которое всегда с нами.

О минувшем Николай Михайлович рассказывал подробно и эмоционально — ведь само это прошлое было и не ординарным, и во многом драматичным. Трудное детство, освоение двух областей знаний — технических и медицинских, суровые будни армейского врача, фронт, новации сердечно-сосудистой хирургии и биокибернетики. Увы, часто в наших разговорах, особенно последних лет, звучало признание, что никуда не деться от того, что прожитые годы, далекие и не столь уже далекие, канули в лету. Но в то же время как одно из напутствий грядущему воспринималось нами суждение о том, что пока жив человек, не иссякли духовная энергия, устремление к поискам, новым свершениям и новым надеждам, он должен творить и созидать. При этом ценить каждый новый день как маленькую жизнь, радоваться повседневным заботам, встречам, общению, работе, сознанию того, что еще предстоит сделать, а затем и самому содеянному. Права была Марина Цветаева в своем утверждении, что во второй половине жизни важен не успех, а важно успеть. И еще одно, что было предметом совместных раздумий. Невозможно смириться с тем, что столь немного, в сущности, отведено для жизни человека. Время — это всего лишь миг. Отсюда понятно желание "остановить мгновение", запечатлеть и прошлое, и настоящее в печатном слове, в рассказах и рассуждениях, предназначенных для современников и преемников, тех, кто будет

после нас.

Может быть, реализуя подобное стремление и заглядывая в предшествующие годы, мы все усомнимся в том, что "пути в прошлое нет". Ведь оценить этот путь следует еще и затем, чтобы постичь настоящее, продолжить в нем творить и созидать. При этом памятуя, конечно, и о судьбах грядущего. Здесь уместно заметить, что на размышления о будущем в наших диалогах, которые запомнились особо, все больше наталкивал факт наступления нового столетия. В этих диалогах обсуждался и такой вопрос: был ли прав Экклезиаст, когда, говоря о будущем, утверждал: "Что было, то и будет, все приходит на круги своя". На такого ли рода будущее мы уповаем и этого ли ждем от грядущих лет? Вряд ли! Хотя некоторым, скажем, писателю Василию Быкову, приведенное определение представляется как наиболее точное. Впрочем, он же сам говорит и о том, что будущее неуловимо, в этом его прелесть и ужас.

Помню, как долго мы с Николаем Михайловичем однажды обсуждали вопрос о том, что, может быть, ближайшие десятилетия в новом столетии окажутся желанной эпохой, когда, наконец, исчезнут одолевавшие нас ранее сомнения и откроется человечеству, что для него самое важное! Но так ли скоро могут исчезнуть сомнения, которые не удалось рассеять в минувшем?

Была такая притча о том, что все же в жизни важнее. Иисус провозгласил — "сострадание", Моисей сказал — "мысль", Маркс — "еда", Фрейд — "секс". А Эйнштейн повторил свое: "Все на свете относительно". Последнее, как истина, сохранится, вероятно, и в нашем грядущем.

И все-таки: что такое будущее? У американского писателя Амброза Бирса можно найти образный и притом достаточно однозначный ответ на этот, казалось бы, риторический вопрос: "будущее — это то время, когда дела наши процветают, друзья верны и счастье нам обеспечено". От себя добавлю: будущее — это и то время, когда вспоминаешь прошлое, как совсем не такое далекое. "Есть три эпохи у воспоминаний, — писала Анна Ахматова, — и первая — как бы вчерашний день".

И еще одна тема обсуждалась во время диалогов, о которых идет речь. Пожалуй, даже не конкретное содержание определенной темы как таковой, а общность ощущений, тревожности, непрогнозируемости будущего. Ведь на стыке двух веков, а заодно и двух тысячелетий это переходное время действительно может показаться почти нереальным, ибо постичь подобное в полной мере непросто — многие психологически ощутили особое состояние. Ожидание смены столь впечатляющих вех в жизни человечества породило и в обществе, и в индивидуальном мире каждого из нас неуверенность в завтрашнем дне. Возникло состояние какой-то странной зыбкости. Может быть, от этого ощущения тревоги и неопределенности мы все чаще стали мысленно подводить итоги минувшего, задумываться над грядущим, переносить на "потом" давно вынашиваемые планы, откладывая их на будущее.

Некое ощущение внутреннего дискомфорта начало сказываться и на повседневных делах, и на житейских устремлениях. Возможно, оно инициировалось мыслью о том, что ты уже человек прошлого века. А ведь как часто еще совсем не так давно мы гордо любили повторять: "Я — человек

двадцатого столетия". Неожиданное совпадение: встретился с подобными раздумьями в романе Василия Аксенова "Кесарево свечение". Где-то в середине повествования прочитал авторское отступление, в котором писатель поделился с читателем своим ощущением, весьма близким к тому, о котором речь шла выше. Приведу с купюрами это место: "Век истекал, и я от этого постоянно чувствовал себя не в своей тарелке. Постоянно себя уговаривал, что все эти наши века и тысячелетия только лишь правила детской игры. Ну что означают наши отрезки времени в контексте Вселенной? Во-первых, они смехотворно коротки, во-вторых, мы их сами придумали, чтобы как-то определиться в непостижимости, где нет ни грохота, ни света, ни жара, ни вращения планет. Что там происходит за пределами наших чувств, если вообще что-то происходит в нашем смысле? И все-таки как нам жить теперь без XX века? Ведь совсем еще недавно шли времена, когда принадлежность к этому веку считалась признаком передовизны... про такого человека совсем еще недавно говорили: "настоящий человек XX века!" Как быстро это все прошелестело мимо!".

Вспомнилось, что у Николая Доризо в одном из стихотворений его известного цикла "Иные времена" содержится близкая по своему смыслу мысль. Вот запомнившиеся мне строки:

Живу, и радуясь, и мучась,
И говорю: спасибо, Бог,
Что мне послал ты эту участь —
Быть человеком двух эпох.

Добавим, читатель, к последней строке: эпох неоднозначных и драматичных. К тому же в эти времена творили и люди, внесшие весомейший вклад в достояния человечества. Сами же времена, как тонко подметил поэт, "...не выбирают, в них живут и умирают". Здесь неожиданно всплыло в памяти, казалось бы, парадоксальное по своему содержанию высказывание Петра Фоменко: "Как хорошо мы плохо жили". Почти афоризм...

"Интеллектуальное достояние настоящего и будущего" — так, казалось бы, совсем недавно я назвал свою публикацию в "Зеркале недели", приуроченную к выходу в свет уникальной "Энциклопедии Амосова". Вспоминаю добрые слова Николая Михайловича по поводу этого очерка, занявшего в еженедельнике целую полосу. Часто, когда после телефонного звонка в трубке раздавался его характерный голос, и произносились ставшие привычными в нашем общении слова — "Звоню просто так, поговорим об интересном", — я предвкушал, как всегда неординарный разговор о разных общественных и профессиональных событиях, нередко о личном, творческом, ближайших планах. На этот раз я выслушал авторский комментарий к вышедшей "Энциклопедии", который в последующем был подробно продолжен при очередных встречах. Сейчас попытаюсь воспроизвести наиболее запомнившееся. Ведь этот многостраничный амосовский труд и еще самая последняя небольшая книга "Мировоззрение" — с дарственной надписью, сделанной за неделю до кончины — в сущности прощальное доверительное напутствие. В этих последних книгах, как и во всем

его наследии, острое видение того, как кризис системы проявляется сегодня в кризисе медицины, — проблема, представляющая широкий общественный интерес. Без ложной риторики амосовские труды можно рассматривать как итог многолетнего врачебного раздумья, как социологические и философские научные и публицистические трактаты, в центре которых его представления о здоровье и болезнях. Уместно привести выдержку из предисловия издателя — Стива Шенкмана — главного редактора ежемесячника "Будь здоров", открывшего книгой Амосова "Преодоление старости" серию "Библиотека журнала": "Мне кажется, Амосов умеет все. Философия, социология, экология, политология — здесь он профессионал высшего класса".

Хотелось бы напомнить и о тех публикациях Амосова, которые появились в годы, предшествовавшие этому изданию. К сожалению, из-за малого тиража некоторые из них не стали широким достоянием читательских кругов. Это небольшие по объему, но весьма емкие по содержанию "Кредо" и "Мое мировоззрение" (1992), а также изданная благодаря усилиям киевского издателя В.П. Красникова книга "Разум, человек, общество, будущее" (1994). О последней уже писалось в печати, в том числе и автором настоящей публикации. Поэтому могу удостоверить, что многое из того, что было рассмотрено в этой книге, а также в очерке "Эксперимент" (1995), нашло в новых амосовских трудах дальнейшее развитие. Особенно подробно в них были изложены основные предпосылки к постановке Амосовым своего уникального эксперимента и та реальная ситуация, которая этому предшествовала. Конкретным же поводом к проведению эксперимента, как пишет автор, явилось следующее. Когда осенью 1992 года он принял решение прекратить оперировать, а еще раньше отказался от директорства в родном институте, сохранив за собой лишь консультативные функции, "...жизнь опустела. Прекратились хирургические страсти, переживания за больных, исчезли физические нагрузки четырехчасовых операций. Сильно уменьшилось общение. В резерве, правда, оставались наука и творческая работа над книгами и еще продолжение привычного режима самоограничения, значительных физических нагрузок". И, тем не менее, — подчеркивает Амосов, — со временем пришло ощущение наступления старости. Но это не испугало, а "даже разозлило". Заменял кардиостимулятор (первый был вшит 8 лет назад), предпринял попытку применять гормоны. Не удовлетворившись эффектом, обосновал идею эксперимента и методику его проведения. Этому предшествовал анализ главных гипотез механизмов старения.

Среди них: объясняющие старение как истощение энергетических ресурсов, как накопление экзогенных или эндогенных "нестандартных химических веществ", как нарушения в иммунной системе. И известная гипотеза украинских геронтологов, представляющих научную школу академика В.В. Фролькиса, концепция которого предполагает первичное поражение регуляторных генов генома, в результате чего нарушается регуляция клеток и, следовательно, функция органов. В ответ проявляется действие компенсаторных механизмов, направленных на уменьшение патологического эффекта первичных поражений.

Анализируя разные гипотезы, касающиеся физиологии старения, Амосов всегда подчеркивал наличие общей тенденции: по мере этого процесса

происходит постепенное ослабление всех функций, ухудшение реакций на внешние раздражители и регуляторные воздействия. Предположение самого Амосова об универсальных механизмах старения основаны на известной гипотезе генетической запрограммированности старости, хотя, вероятно, запрограммированность отдельных этапов процесса во времени и не является жесткой.

Окажется ли это предположение оправданным, покажет последующий научный поиск, за что и ратовал ученый. Но очевидна сама логика и убедительный биологический смысл аргументации суждений. Рассматривая организм человека как систему, автор особо подчеркивал, что функции выражаются в преобразовании структур, а последние в свою очередь постоянно меняются, отражая приспособляемость человека к внешней среде. Оригинальна схема, приведенная в этом разделе и демонстрирующая взаимодействие двух структур — организма и среды. Если принять во внимание, что организм (личность) тоже состоит из двух структур — так называемых регуляторов и рабочих органов, то следует согласиться с тем, что они находятся в постоянной взаимосвязи. А как же ведут себя при старении рабочие органы, призванные воплощать программы в функции? По демонстрируемой схеме интенсивность их деятельности определяется тремя факторами — мотивацией, тренированностью и "тормозами". К последним относятся утомление и старение. Утомление возрастает от сопротивления среды и снижается от тренированности. Старение определяется генетической программой. Отсюда логическое заключение: мотивация и тренированность увеличивают труд, "тормоза" — уменьшают. Ведь действительно, при старении существенно снижается уровень дееспособности человека. Исчерпалось многое из предшествующей программы, уменьшилась от этого "сумма мотивов", снизилась функция. А раз снизилась функция — уменьшилась тренировка, возросло утомление. В итоге — новое снижение функции. Тупик — *circulus vitiosus!* Вывод Амосова: уменьшение дееспособности при старении само себя ускоряет. Отсюда и упомянутая выше основная задача — разрушить эти порочные связи, разорвать замкнутый круг.

Главная идея ученого, которую он четко проводит через упомянутые выше книги "Продление жизни" и "Здоровье", казалось бы, предельно проста: нужны интенсивные мышечные нагрузки, которым, увы, "...мешает другая особенность психики, доставшаяся человеку от животного, — то, что мы называем ленью. Природа экономит энергию и без необходимости напрягать мышцы не требует.

Оставил нам Николай Михайлович и свою концепцию здоровья как "резервных мощностей" клеток, органов, целого организма. При этом обратив внимание на то, что в научной медицине до сих пор отсутствует четкое определение здоровья. В нынешнем понимании здоровье — это чисто качественное понятие "нормы", которая определяется на основе статистики, что, в принципе, правомерно. Но ведь следует оценивать и то, что происходит, если нормальные условия изменяются, в связи с чем возникает реальная угроза болезни. Поэтому о человеке нужно знать именно количество здоровья. Измеряя, его можно оценить: много здоровья - меньшая вероятность развития болезни, мало здоровья — налицо преддверие болезни.

Определить количество здоровья следует как сумму "резервных мощностей" основных функциональных систем, при этом важно оценивать их оптимальный уровень. К сожалению, подобные оценки практически не проводятся. В сознание общественности и врачей, по-прежнему, внедряется взгляд о том, что "...человеческая природа крайне несовершенна, что человек хрупок и немощен", а потому нуждается в постоянной врачебной помощи.

Еще и еще раз Амосов настойчиво обращал внимание на то, что у нас под медициной понимают преимущественно лечение болезней. Между тем, если не только риторически провозглашать главенство профилактического направления медицины, а заняться здоровьем здоровых, то это и будет самым эффективным предупреждением болезней. Наследие Николая Михайловича побуждает не только к раздумью, но и вызывает чувство сопричастности с позицией автора. Сочетание в его научном творчестве теоретических положений с повседневными наблюдениями и фактами, общественных взглядов с личностными, более категоричных суждений с сомнениями — все это, надо полагать, во многом способствовало эмоциональной окраске восприятия его выступлений и книг, каждую из которых ожидал широкий читательский интерес. И не только потому, что уже само по себе имя автора гарантировало успех. И не потому, что в своей деятельности и публикациях ученый всегда выступал как "возмутитель спокойствия". Успех каждой новой книги можно было прогнозировать, прежде всего, по причине того, что Амосов повествует о реальных итогах своей врачебной деятельности, своего уникального эксперимента, многолетнего опыта, раздумий, сомнений, попыток социологических и философских обобщений.

Как автора, Николая Михайловича всегда волновала реакция на его книги читающей публики — через прессу он даже провел как-то опрос читателей, выясняя их отношение к проблемам, о которых писал. Именно от Амосова услышал суждение о правомерности утверждения Виктора Гюго, смысл которого в том, что книгу создает автор, а общество либо принимает ее, либо отвергает. "Творец книги — автор, творец ее судьбы — общество". Автор своей особой позицией, своим видением и предшествующим опытом как бы приглашает будущего оппонента к полемике и доказательному творческому разговору. Что такое идеология? Как полагает Амосов, она составляет основу общественного разума и "является предметом творчества как вещи, но всегда имеет под собой биологическую базу. Авторы идеологий выбирают точку на шкалах, опирающихся на противоречивые биологические потребности и крайние чувства, их выражающие, формулируют идею словами, распространяют ее среди граждан, таким образом формируя их убеждения".

А затем Николай Михайлович обосновал основные, с его точки зрения, шкалы для компромиссного выбора координат идеологии, к которым он относит следующие категории: а) свобода или равенство; б) материальное или духовное; в) труд — развлечения; г) общественное — личное (или эгоизм — альтруизм); д) терпимость — непримиримость; е) настоящее — будущее; ж) Бог — материя или вера — знания; з) ценности — общечеловеческие или групповые (нация, религия, класс, идеология).

По его утверждению, идеи, выраженные словами, если они запечатлены в

нейронах мозга большого количества людей, напечатаны во множестве книг, становятся столь же реальными, как и вещи, как объекты природы. Потому что они управляют реальными действиями масс людей, меняют ход истории куда больше, чем землетрясения или наводнения. Идеи — это гены общества.

Интересно и образно? Несомненно. Здесь есть над чем поразмышлять. Амосов продолжает развивать высказанную мысль: "Другое дело, что идеи менее стойки в историческом времени, чем гены. Есть у них специфическое качество: распространяются только те идеи, которые созвучны некоторым из гаммы противоречивых биологических потребностей. Более того, сама способность идеи к распространению подчеркивает степень значимости для людей той потребности, на которую она опирается. Возьмем для примера идею Доброго Бога. Она больше всех распространилась в лице мировых религий и оказалась самой стойкой. Это значит, что доброе начало в природе человека сильнее злого". Хотя Амосов считал, что делать дальние прогнозы бесполезно из-за непредсказуемости творчества и самоорганизации на всех структурных уровнях человечества, тем не менее, он допускал, что в связи с широким распространением ожидаемых достижений науки (биотехнология и генная инженерия, альтернативная энергетика, искусственный интеллект, возможность управлять психикой и т.д.) можно ожидать в будущем "прорыва", способного изменить представление о человеке и обществе.

Итак, "прорыв в будущем", на который уповает Амосов! Добавим: "в ближайшем будущем" и пожелаем всем нам быть не только его свидетелями, но и активными участниками.

Значительную часть амосовского наследия составляют художественные, во многом автобиографические, повествования, мемуарная проза, многочисленные статьи и эссе и наиболее привлекавшая к себе внимание читающей публики в последние годы научная, философская и социологическая публицистика. Свою исповедальную книгу он назвал "Голоса времен". Делился со мной, что в этой книге подводит итоги. Но явно поторопился. В последующие годы одна публикация сменяла другую и, наконец, появилась уже упомянутая выше "Энциклопедия" как действительно емкий обобщенный итог интеллектуального амосовского творчества, который, убежден, еще предстоит не раз обдумать, оценить и постичь в полной мере. Прежде всего, как духовное достояние не только настоящего, но также будущего. И как мысли-напутствия, мысли-раздумья о том, что еще предстоит свершить человечеству. В день своего семидесятилетия писатель и врач С. Моэм записал, что самое большое преимущество старости — в духовной свободе. Судьба сложилась так, что Николай Михайлович мог пользоваться этой свободой два десятилетия с тем, чтобы, оглянувшись на прожитые 89 лет, сказать: "Я прожил хорошую жизнь". И еще: словами того же Моэма, сочетавшего профессию врача и многолетнюю приверженность к медицине с литературным творчеством, Николай Амосов мог бы сказать применительно к своему увлечению созданием художественных произведений: "Я не знаю лучшей школы для писателя, чем работа врача". А ведь именно вторая его ипостась — писательство — снискала ему огромную популярность. В последние два десятилетия он писал особенно много. Я всегда заставлял его за компьютером,

к которому он пристрастился, в старом привычном кресле, сосредоточенным, углубившимся в раздумья, иногда бросавшим рассеянный взгляд на окружающие его стеллажи с книгами, где множество амосовских трудов, в том числе переведенных в более чем тридцати странах зарубежья.

Будучи в общении человеком сдержанным, подчас даже подчеркнута суховатым, Николай Михайлович, тем не менее, был склонен к эмоциональным всплескам. При этом часто отнюдь не негативным, что в определенных обстоятельствах было ему свойственно, а положительным, даже восторженным. Помню у нас в доме чету Амосовых, Никиту и Ирину Маньковских, приглашенных в связи с приездом из Мюнхена земляка и друга хирурга-уролога Бориса Гехмана. Гость прочитал в тот вечер только что написанный им рассказ о портрете женщины в красном, изображенной на полотне неизвестного мастера. С интересом прослушав рассказ, Николай Михайлович вопрошал автора: "Как Вам удалось, Борис, написать такую камерную вещь?". И в этом обращении явственно улавливалось амосовское одобрение. А ранее, встретив впервые у нас же в доме известного правоведа Федора Бурчака и проведя с ним довольно бурную дискуссию, Николай Михайлович высказался с присущим ему лаконизмом, но весьма эмоционально: "Удивительно образованная и интеллектуальная личность". Но особое впечатление произвело на него знакомство с Даниилом Лидером, о чем после встречи он поделился со мной такими словами: "Человек — единственный в своем роде. К тому же мыслитель".

А как проникновенно написал Николай Михайлович о Владимире Фролькисе в недавно изданных воспоминаниях. Приведу только два его высказывания: "Так он и умер: почти на ораторской трибуне. Не обойтись доктору без анализа смерти — привычка. (Как будто не все равно тому пророку, что пропускает душу в рай).

Не удержусь и я. 1 октября 1999 г. в Оперном театре был Первый съезд медработников Украины. Полный зал. Называлось мероприятие "Пульс Украины". Начальство в президиуме слушает. Главный оратор от Академии — Фролькис. Затея — показушная, но какая была речь! А на утро — сердечный приступ — и смерть. Не сомневаюсь — речь повлияла. И даже по противной докторской привычке прикидываю: "Если бы массаж сердца, искусственное дыхание... Не должен был умереть". Не было у Володи фатального поражения сердца. "Я только чувствовал, что за оболочкой бодрости и выдержки прячется страдающая поэтическая душа человека, потерявшего любимую жену, оставшегося в одиночестве... Это — все. Прости, Володя, что не смог написать лучше. Не хватает таланта".

Привожу эти строки и слышу неповторимые амосовские интонации. Многие ли знали его таким даже из тех, с кем он общался, не говоря уж о тех, кто его не знал. Облик Николая Амосова как человека с присущими ему достоинствами, непростыми чертами характера, увлечениями и неординарным психологическим настроением всегда интересовал широкую публику. В связи с этим хочу обратить внимание на то, что в упомянутых выше мемуарных книгах, как и в отдельных разделах "Энциклопедии", личность автора предстает отнюдь не в привычном ореоле стереотипов, присущих жизнеописанию известных людей, и не в

идеализированном образе "героя". Перед нами предельно откровенно проступает образ человека — одного из тех современников, кто разделял с нами тяжелые годы двадцатого века, прошедшего непростой жизненный путь, сомневавшегося и страдавшего. На ряд амосовских книг, вышедших в последние годы, я откликался подробными рецензиями. Впрочем, это не были рецензии, написанные в привычной традиционной форме, а, скорее, размышления по поводу... И публиковал я их не в строгих академических изданиях, а в широко читаемой периодике, чаще всего в еженедельнике "Зеркало недели", частично в научно-популярных и более широких по содержанию медицинских журналах типа "Международного медицинского журнала", издаваемого в Харькове. Не скрою, что после каждой из таких публикаций с нетерпением и не без волнения ожидал, какова будет реакция Николая Михайловича. Разумеется, испытывал радость, когда доводилось слышать от него слова удовлетворения и даже похвалы, на которую он был, как правило, скуп.

Уже однажды писал о том, что Николай Михайлович с вниманием и, пожалуй, безотказно откликался на мои просьбы сделать дарственную надпись на своих книгах, которые приобретали мои сотрудники и коллеги после выхода их в свет. Без излишней скромности замечу, что популяризировал эти новые издания достаточно широко. И Николай Михайлович по-доброму шутил на эту тему. Кстати, не отказывая в дарственных надписях на своих книгах, он всегда весьма дифференцированно отражал в них свое отношение к адресату — и по тональности, и по содержанию. Но всегда эти надписи были по-амосовски лаконичными, образными и уважительными. Нередко в них проявлялись и ирония, и тонкий самоироничный настрой. Например, в своей книге "Преодоление старости", где уже на титуле после названия звучал амосовский афоризм: "Самое опасное в старости - готовность к старению", он написал мне и Лене: "Начинайте преодолевать", а в своей "Энциклопедии", делая дарственную подпись Ксане и Сереже, высказался так: "Дочери моего друга Оксане Медведь и зятю Сергею Хотимскому с пожеланиями полной гармонии в отношениях с родителями". Столь же целенаправленна была запись и на книгах, подаренных моему сыну и его семье.

Уместно отметить еще одно обстоятельство, к тому же, несомненно, существенное. Суть его в том, что Николай Михайлович, будучи коренным россиянином и по рождению и по своему генеалогическому древу, обрел в Киеве свою вторую малую родину. Полвека жизни в Украинской столице и профессиональной врачебной и научной деятельности, свершения в городе, где прошло становление и его жены, и дочери, и внуки, и зятя, для которых Киевский медицинский институт оказался общей альма-матер, сделали свое дело. Имя Николая Амосова и всё, что им достигнуто в хирургии, медицинской науке, кибернетике, отныне и навсегда связано с Киевом. В изданной еще в 1979 году книге "Улицы Киева", посвященной истории Киева, памятным событиям, минувшим и нынешним годам в жизни города, помещен обстоятельный очерк Николая Михайловича, где мы находим слова любви и признательности нашей столице: "Я приехал в Киев около 30 лет тому назад и поэтому еще не могу считаться коренным киевлянином. Между тем, Киев стал для меня самым родным

городом после моего Череповца Вологодской области, где я родился и учился. Дело в том, что именно в Киеве я смог сделать наиболее интересное и нужное для людей, а следовательно и для себя. Тут я стал настоящим хирургом, хотя началось это еще в Брянске. В Киеве создана хорошая клиника, в которой проводится за год полторы тысячи операций на сердце. Нетрудно понять, как крепко и глубоко все это связывает меня с дорогим городом и его людьми..."

2013 г.

"Николай Амосов. Воспоминания современников"
Киев, Издательский дом "Личности", 2015